Воспоминаніе о частныхъ школахъ грамотности.

Въ 1813 и 1814 годахъ я жилъ въ г. Мценскѣ, обучаясь письму и цифири. Казенныхъ и городскихъ школъ тогда не было въ городѣ, но было множество частныхъ. Рѣдкій дьяконъ и рѣдкій дьячекъ изъ женатыхъ не держалъ у себя школы. Обычай предоставлялъ право имѣть школу даже вдовамъ и пожилымъ дѣвицамъ духовнаго званія. Но не помню, чтобы лица другаго званія держали у себя школы.

У нѣкоторыхъ вдовъ и дѣвицъ духовнаго званія обучались исключительно дѣти женскаго пола, но обучались только чтенію. Письмо же, по тогдашнему обычаю, не преподавалось женскому полу. Въ этомъ обычаѣ, кажется, скрывалось намѣреніе лишить дѣвицъ и молодыхъ женщинъ возможности вести непозволительную переписку съ мущинами.

Школы діаконовъ особенно переполнены были учениками: у Соборнаго было ихъ болѣе сорока, у Никитскаго —болѣе тридцати. У послѣдняго, какъ родственника, и я тогда оканчивалъ курсъ грамотности.

Открытіе школы тогда не требовало чьего-либо разрѣшенія, и обученіе въ ней не подлежало чьей-либо ревизіи.

Трудъ содержателей школъ и польза, приносимая ими обществу, не были на виду у начальства, ни у духовнаго, ни у гражданскаго. Ни у одного дьякона и ни у одного дьячка того времени въ формулярѣ не значилось содержаніе имъ школы, — и гражданское начальство въ лицѣ городничаго, надобно полагать, не знало ни количества этихъ школъ въ городѣ, ни числа учащихся въ нихъ.

Школы тогда не были предпріятіемъ, разсчитаннымъ на выгоды, а возникали по просьбѣ гражданъ, желавшихъ обучить дитя грамотѣ у благоговѣйнаго дьякона или добропорядочнаго дьячка. Сначала въ нихъ обучались трое или четверо дѣтей, а послѣ, число ихъ возрастало до того, что не помѣщались за столами, а учились на подоконникахъ, скамьяхъ и даже на полу.

Содержатели школъ, діаконы и дьячки, занятые по церкви и приходу, учили дѣтей только письму и цифири, трудъ же обученія ихъ грамотѣ преимущественно лежалъ на женахъ ихъ, грамотницахъ.

Содержатели школъ не именовали себя учителями; ихъ называлъ народъ мастерами. Дѣти же, въ обращеніи къ мастеру, называли его дядюшкой, а мастерицу—тетушкой.

Во всѣхъ школахъ былъ тогда одинъ и тотъ же курсъ грамотности, одни и тѣ же руководства, и одинъ и тотъ же методъ обученія. Все велось по преданію отъ давнихъ временъ.

Курсъ грамотности ограничивался тогда умѣньемъ читать церковно-славянскую и гражданскую печать, писать гражданскими буквами (но не уставомъ) и изображать цифрами счетъ до тысячи. Дѣти учили сначала бук

варь, потомъ часословъ, далѣе псалтырь, наконецъ учились письму и цифири.

За обученіе этимъ предметамъ платилась цѣна, установленная обычаемъ: за букварь—рубль, за часословъ—два, за псалтырь—три, за письмо и цифирь—четыре рубля.

Дитя, приводимое отцемъ или матерію на обученіе грамотѣ, по распоряженію мастера или мастерицы, полагало предъ иконами три поклона, садилось за столъ и, сотворивъ крестное знаменіе, цѣловало первую страницу букваря. Затѣмъ со словъ обучающаго учило молитву, напечатанную на первой страницѣ букваря:

Боже, въ помощь мою вонми и вразуми мя въ поученіе сіе.

Эту молитву, послѣ, дитя повторяло при началѣ ученія до обѣда и послѣ обѣда. Общей молитвы предъ ученіемъ не полагалось.

При изученіи алфавита, дитя снабжалось указкою и ему диктовались буквы первой строки; при чемъ требовалось отъ него, чтобы, произнося букву, оно указывало на нее указкою. Случалось, что дитя правильно произносило буквы и безошибочно указывало на нихъ; но не всматривалось въ начертаніе буквъ и потому не различало ихъ другъ отъ друга. Этотъ существенный недостатокъ въ знаніи алфавита восполнялся тѣмъ, что заставляли дитя читать и указывать буквы не въ обычномъ порядкѣ расположенія ихъ въ строкѣ, а въ обратномъ, или въ томъ же порядкѣ, только чрезъ одну или двѣ буквы. Послѣ такого упражненія дитя скоро научалось различать буквы и по начертанію ихъ. Въ такомъ упражненіи дитя руководимо было не мастеромъ, а по пору-

ченію его однимъ изъ старшихъ учениковъ, такъ какъ этотъ методъ извѣстенъ былъ многимъ въ школѣ.

Послѣ алфавита, подъ руководствомъ старшаго ученика, дитя изучало склады, или слоги: ба, ва, га и пр. бра, вра, гра и пр. Слоги читались такъ: буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва; буки-рцы-азъ—бра; вѣди-рцы-азъ—вра. При этомъ требовалось, чтобы, читая буки-азъ—ба, буки-рцы-азъ—бра, дитя повышало голосъ надъ буквою—*азъ* и понижало надъ слогами *ба* и *бра* и эти слоги произносило отдѣльно отъ буквъ ихъ составляющихъ, т. е. читало такъ: буки-àзъ—бà, буки-рцы-àзъ—брà.

При такомъ чтеніи буквъ и производимаго ими слога и при многократномъ повтореніи чтенія, дитя пріобрѣтало навыкъ, по силѣ котораго, вслѣдъ за произнесеніемъ буквъ, самъ собою, какъ бы механически, произносился и соотвѣтствующій имъ слогъ. Мастера не обременяли себя и дѣтей разъясненіемъ, какъ изъ первыхъ звуковъ, какія слышатся въ названіяхъ двухъ или трехъ буквъ, составляется слогъ. Такое разъясненіе едва ли имѣло бы какой успѣхъ въ дѣлѣ обученія чтенію, особенно при славянскихъ названіяхъ буквъ.

При нынѣшнемъ алфавитѣ и звуковомъ преподаваніи слоговъ тогдашній церковно-славянскій алфавитъ кажется неудобнымъ и тогдашнее механическое изученіе слоговъ по нему не педагогичнымъ. Но за то тогда не было и рецедивовъ безграмотности, т. е. такихъ грамотеевъ, которые отъ долгаго неупражненія въ чтеніи забывали бы грамоту; а теперь, по свидѣтельству Барона Корфа, ихъ не мало по селамъ.

Греки и до сихъ поръ не разстаются съ своимъ древ-

нимъ алфавитомъ и не знаю, какъ теперь, а въ сороковыхъ годахъ они учили слоги такъ: вита-алфа — ва, гамма-алфа—га.

Къ бѣглому чтенію пріучались дѣти ежедневымъ чтеніемъ задовъ, или повтореніемъ выученнаго. Зады читались всегда утромъ предъ уроками; при чемъ наблюдалось, чтобы чтеніе ихъ было не наизустъ, а по книгѣ. Иначе оно приносило больше вреда, чѣмъ пользы; особенно когда повторялись алфавитъ и склады. При бѣгломъ чтеніи буквъ алфавита, ускользало изъ вниманія дитяти начертаніе ихъ, а при такомъ же чтеніи складовъ, слогъ не отдѣлялся отъ буквъ, производящихъ его. Для избѣжанія этого вреда заставляли дитя, при повтореніи буквъ алфавита, читать ихъ такъ, какъ сказано было выше; а при повтореніи складовъ, каждый слогъ, образуемый буквами, произносить дважды, т. е. читать такъ: буки-азъ-ба—ба, вѣди-азъ-ва—ва.

Зады читались и уроки учились вслухъ. Говоръ двадцати и болѣе учениковъ производилъ такой шумъ, что трудно было слышать, кто что и какъ читаетъ; но мастерица слышала,—и поправляла ошибки. Чего не дѣлаетъ навыкъ?

Славянскій букварь, бывшій въ употребленіи въ двадцатыхъ годахъ, знакомилъ дѣтей и съ чтеніемъ гражданской печати. Въ этомъ букварѣ на трехъ страницахъ его печаталась гражданскими буквами назидательная статья: «*Буди благочестивъ, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ*» и проч. Дѣти безъ затрудненія учили эту статью, такъ какъ не многія буквы гражданской азбуки по начертанію рознились отъ церковно-славянскихъ.

Послѣ букваря дитя учило часословъ и, по изученіи часослова, хотя могло легко читать и другія церковнославянскія книги, но обычай требовалъ, чтобы оно выучило и псалтырь. Только по изученіи часослова и псалтыря дитя, особенно женскаго пола, считалось грамотнымъ. Оно знало нужныя ему молитвы и, когда приходило въ церковь, слышало тамъ знакомыя ему славословія и молитвословія. Въ этихъ славословіяхъ и молитвословіяхъ оно не много понимало, но съ возрастомъ многое въ нихъ само собою уяснялось и становилось понятнымъ.

Обученіе письму велось тогда, по видимому, не методично. Сперва писались прописныя буквы, потомъ строчныя. Но нельзя предполагать, чтобы мастера не умѣли вести дѣтей отъ простаго къ сложному, отъ легкаго къ трудному. Послѣ прописныхъ буквъ они не вдругъ приступали къ строчнымъ, а заставляли дѣтей писать элементы, входящіе въ начертаніе ихъ, какъ то: палки, палки съ тонкимъ и круглымъ заворотомъ внизу, палки съ такимъ же заворотомъ вверху, *е* и *э*. Но съ этихъ элементовъ начинать обученіе письму не позволялъ имъ обычай, освященный давностію. Можетъ быть, въ основѣ этого обычая лежалъ одинъ изъ пріемовъ разумнаго метода; изображеніемъ прописныхъ буквъ, подобно какъ рисованіемъ Фребелева сада, дитя пріучалось къ движенію пера по всѣмъ направленіямъ, къ такому движенію, послѣ котораго писаніе строчныхъ буквъ уже не представляло трудности.

Для писанія словъ и цѣлыхъ реченій предлагались прописи, наготовляемыя мастеромъ (печатныхъ не было). Въ первой и главной изъ нихъ содержалось слѣдующее изреченіе:

«Кто имѣетъ въ себѣ Бога, тотъ все имѣетъ, хотя бы всего въ свѣтѣ лишился».

Это изреченіе для прописи сохранялось у мастеровъ по преданію, и употреблялось, какъ теперь оказывается, не въ одной Великороссіи, но и въ областяхъ. древней Руси, въ Подоліи и Волыни.

Время ученія въ школахъ раздѣлялось на дообѣденное и послѣобѣденное. Первое начиналось въ 8 часовъ, прерывалось для завтрака въ 9 ч. и оканчивалось въ 11 часовъ. Послѣобѣденное начиналось въ 2 часа, прерывалось для полдника въ 3 и оканчивалось въ 5 часовъ. Перерывы ученія продолжались не менѣе часу; въ эти перерывы дѣти успѣвали не только съѣсть свой завтракъ или полдникъ, но и побѣгать. Замѣчателенъ обычай, наблюдавшійся при завтракѣ. Дѣти потчивали мастерицу; одинъ подносилъ конецъ пирога, другой—калачъ, а иной —скибу ржанаго хлѣба,—и мастерица отъ каждаго приноса отрѣзывала не болѣе осьмой доли. Эти куски потреблялись семействомъ ея при обѣдѣ и ужинѣ. За то не было въ обычаѣ, чтобы родители что-нибудь присылали мастеру въ нарочитые праздники, или чѣмъ-либо дарили его по окончаніи курса дѣтей ихъ.

Лѣтомъ дѣти ходили въ школу босикомъ и безъ верхней одежды. Немногіе изъ нихъ поверхъ рубашки надѣвали жилетки съ двумя карманчиками. У старшихъ учениковъ эти карманчики не были пустыми; въ одномъ изъ нихъ носилась свинцовая палочка вмѣсто карандаша, въ другомъ—перочинный ножичекъ.

По возвращеніи изъ школы дѣти пользовались полнымъ отдыхомъ и беззаботностію; уроковъ на домъ имъ

не задавалось, и учебныя книжки, какъ и принадлежности письма, оставались въ школѣ.

Вотъ все, что сохранилось въ моей памяти о школахъ грамотности двадцатыхъ годовъ.

Такія же школы, какъ послѣ узналъ я, существовали и въ другихъ городахъ, уѣздныхъ и губернскихъ, — и имъ-то преимущественно городское населеніе того времени обязано было умѣньемъ читать и писать, и изъ нихъ-то значительный контингентъ грамотныхъ дѣтей поступалъ въ уѣздныя училища и гимназіи, учреждавшіяся тогда по губернскимъ городамъ. Но вотъ въ тридцатыхъ годахъ послѣдовало учрежденіе ланкастерскихъ школъ, — и въ пользу ихъ были закрыты всѣ частныя школы грамотности!

Тогда я былъ въ Херсонѣ. И въ этомъ городѣ школы грамотности были на рукахъ лицъ духовнаго званія. Изъ нихъ особенно славилась школа Миргородскаго, дьячка привозной Преображенской церкви. Это была давняя школа, кажется, унаслѣдованная имъ отъ отца. Многіе изъ тогдашнихъ купцовъ, прикащиковъ и сидѣльцевъ, обучавшихся въ этой школѣ, съ благодарностію вспоминали о ней и съ уваженіемъ относились къ содержателю ея.

Въ этой школѣ читались и книжки гражданской печати, писали съ прописей печатныхъ и учились слагать и вычитать не на бумагѣ только, но и на счетахъ. И такая-то школа, наравнѣ съ другими частными, должна была прекратить свое существованіе! Дѣтямъ, учившимся въ ней, и ихъ родителямъ указана было школа ланкастерская.

Не могу сообщить, въ чемъ состоялъ методъ Ланкастерской школы; слышалъ только, что тамъ по командѣ двигались ученики и по развѣшаннымъ на стѣнахъ та-

блицамъ изучали буквы, слоги и реченія, при чемъ какъ-то происходило взаимное обученіе.

Ланкастерская школа въ Херсонѣ не просуществовала и двухъ лѣтъ, а запрещеніе на частныя школы оставалось въ своей силѣ. Въ городѣ была гимназія, уѣздное училище и даже училище канцелярское; а негдѣ было обучить дитя грамотности! *П. Н. Соколовъ.*